Т.

Каре

и всем домам, в которых этот текст был написан

...на какой бы точке карты, кроме как на любой — нашей родины, мы бы ни стояли, мы на этой точке — и будь она целыми прериями — непрочны: нога непрочна, земля непрочна... Потому что малейшая искра — и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды с неизменно и вопиюще неправедными разрядами. Потому что каждый из нас, пусть смутьян, пусть волк, — здесь — неизменно ягненок из крыловской басни, заведомо — виноватый в мутности ручья. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, — непременно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты — мы.

Марина Цветаева. Китаец

Нет же ничейной земли на свете!

Идрис Базоркин Из тьмы веков

Жизнь бессмысленна без дома.

Эссад-бей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Как Фарман покидал дом **9**
Глава 2. Как появилась мечта о настоящем доме . . . **17**
Глава 3. Как Фарман начинал свое дело **30**
Глава 4. Сказание о потерянном доме **37**
Глава 5. Как Фарман разбил чужое сердце **45**
Глава 6. Киямат **50**
Глава 7. Как Яшар встретил Ситару **57**
Глава 8. Сказание о стамбульском доме **63**
Глава 9. Как Фарман обнаружил разбитое сердце . . **69**
Глава 10. Как Ситара с Яшаром сбежала **74**
Глава 11. Сказание о бакинском доме **80**
Глава 12. Как Фарман в тюрьму отправился **91**
Глава 13. Как у Ситары и Яшара дочь родилась **95**
Глава 14. Как Ахмед вдовцом стал **105**
Глава 15. Как Фарман вернулся в Земо-Кулари . . **116**
Глава 16. Сказание о грузинском доме **126**
Глава 17. Сказание о чужих домах **142**
Глава 18. Как Ситара Абдуллу хоронила **152**
Глава 19. Ничейная земля **160**

ГЛАВА 1. КАК ФАРМАН ПОКИДАЛ ДОМ

Больше всего Фарману хотелось уехать из дома: в маленьком грузинском селе Земо-Кулари, кроме редких домов, кладбища и лошадей, больше ничего не было. В жаркие летние дни он бродил туда-сюда по длинному саду и от нечего делать срывал несозревшие плоды фундука, крыжовника и вишни. Чаще всего он ложился на толстую ветвь тутовника и ел прямо оттуда темно-фиолетовые плоды до тех пор, пока рот совсем не почернеет. Его некогда легкое, мальчишеское тело уже стало другим: он вытянулся, возмужал, окреп, покрылся плотной скорлупой взросления, как грецкий орех. Лишь изредка сельскую тишину нарушали проезжающие машины, после себя они оставляли еле заметное облако пыли, в которое так любил всматриваться Фарман. Это была дымка перемен, которых здесь так не хватало. Смена соседских ворот или очередная свадьба были главными событиями. Уже по привычке он подползал к окнам, услышав, как играют барабаны и сигналят машины — это едет невеста, покрытая фатой и перевязанная красной лентой. Он смотрел, как коровы идут по одному и тому же маршруту, подгоняемые чабаном, и грустно вздыхал: неужели и его жизнь будет такой же предсказуемой и до невозможности скучной. И он, как сонная корова, будет идти по невидимому кругу, пока наконец не выбьется из сил.

Фарман был готов покинуть свой маленький дом, он мечтал об этом все школьные годы. Всякий раз, идя после уроков домой, он представлял, что однажды сядет в автобус и уедет навсегда. Как герои любимых фильмов с билетом в один конец и небольшим рюкзаком. Так и случилось, когда он поступил в уральский университет. Собрать сумку оказалось очень просто,

не так-то много вещей нужно тебе в восемнадцать лет: майка, трусы, штаны и рубашка. Он решительно нырнул в нутро серого старого автобуса, как ныряют в глубокий бассейн, готовый не обнаружить дна. Русский город не был даже близко похож на село, он сверкал, как обертки конфет, пах смесью новых, непривычных, неприродных запахов, бросал в лицо огни машин и уличные вывески, блестел, как начищенные к празднику ботинки, хрустел под ногами асфальтовыми дорожками и нависал высокими домами. Альма-матер и вовсе поразила Фармана, он никогда не видел таких величественных зданий, словно сама возможность зайти сюда уже была своего рода привилегией. Длинные пролеты каменных лестниц, бюсты писателей и ученых, словно живые оторванные головы, следили за ним взглядом, ему было неловко в своих поношенных брюках и льняной рубашке: здесь они казались неуместными и смешными, но других вещей у него не было. В общежитии, где он теперь жил, он тоже выделялся дырявой майкой и великоватыми штанами отчима. Комната была маленькой, но она его совсем не смущала: во-первых, он уже привык к небольшим пространствам, во-вторых, и так все детство делил дом с родным братом и сводными сестрами. Когда вас пятеро, быстро привыкаешь довольствоваться малым.

Было время, когда они ютились в курятнике, где вечно пахло пометом, пока мать и новообретенный отчим строили большой дом. С отчимом у Фармана были непростые отношения: у них была совсем небольшая разница в возрасте, всего пару лет. Ахмед был моложе его матери на пятнадцать лет (в деревне, правда, все говорили про семь, наверное, они сами пустили этот слух, чтобы сгладить разницу). Фарман долго привыкал к новому молодому отцу. Хотя он и был добрым, податливым и мягким, всегда шел навстречу и ничего не запрещал, ему было сложно

привыкнуть, что теперь в доме есть чужой мужчина, которого придется слушать. Но главной по-прежнему оставалась мать, она всегда все решала: стоило только ее тяжелому, почти физически ощутимому взгляду упасть на сына, как он вставал по струнке и умолкал. В Марал была сила, подобная той, что живет в древних пещерах или горных ледниках, она ловко управляла всем: от строительства дома до шитья, знала, когда и что нужно полить, не умела отдыхать и не позволяла отдыха другим. Она действительно напоминала оленя со своей тяжелой, как величественные рога, судьбой. Даже спала она лежа абсолютно прямо, как по линейке, и открывала глаза при каждом шорохе, готовая встать и быстро решить любую проблему. Украшений или нарядов она не носила, хотя и обшивала практически всю деревню красивыми платьями. Сама она предпочитала белую косынку от солнца и самое простое платье, чтобы копаться в саду. Больше машинки мать любила только сад: она могла провести в нем весь день, поливая цветы, собирая ягоды и зелень, перебирая фасоль. Земля была кормилицей, но что важнее — земля была справедливой. Она не любила ленивых, терпеливо хранила в себе мертвых и давала прорасти каждому правильно посаженному зернышку. Марал точно знала, что каждому ребенку всегда найдется работа, и с самого утра раздавала указания.

Мастерская матери: маленькая комната с швейной машинкой посредине — считалась запретной, вход туда был строго воспрещен. Можно было только слушать, как яростно постукивает механизм, и пытаться подсмотреть сквозь тонкую щелочку света, как переодеваются покупательницы. Периодически дом наполнялся соседками, все они, как маленькие дети, предвкушали долгожданное событие: примерку платья или новой юбки. Много хохотали и сплетничали в редкие минуты отдыха от домашних забот и сада, только Марал оставалась серьезной. Из-под опущенных густых

бровей виднелось два почти черных глаза, они были так глубоко внутри глазниц, словно крепко пришитые плотные пуговицы. Быстро проскользнув по всем взглядом, она находила самую шумную покупательницу и смотрела на нее чуть дольше положенного, чтобы дать понять, что тут не место для развлечений.

Были времена, когда они жили только на крохотные заработки матери до тех пор, пока Ахмед не устроился кочегаром. Спустя пару лет родились Фатима , Абдулла и Ситара, и дом стал еще теснее. Теперь Расулу и Фарману приходилось нянчить Абдуллу, а мать возилась с девочками. Может быть, еще поэтому ему так хотелось уехать? В общежитии комнату нужно было делить только с двумя парнями, оба были русские и почти все время отсутствовали. Так что Фарману казалось, что он тут единственный хозяин. Правда, он быстро обнаружил, что совсем не умеет готовить. Добрые однокурсники, к счастью, подсказали ему, что есть макароны, которые нужно просто забросить в кипящую воду. Дома всегда готовила мать, мужчине не полагалось готовить, это Фарман знал еще маленьким. Все ждали, когда их позовут к столу, накрытому лобьёй, кукурузой и овощами со свежим хлебом. По праздникам Ахмед резал курицу или покупал мясо. Готовая еда появлялась сама собой, словно мать, как волшебница, доставала ее из шляпы. В дни учебы Фарман ходил в университетскую столовую, где всегда можно было взять самое дешевое пюре с котлетой. Еда казалась ему непривычно пресной и бесцветной, но это легко уравновешивалось цветами большого города. Всякий раз прошмыгнув мимо консьержки в ночное время, он шел бродить по пульсирующим улицам, здесь всегда были люди и даже в самый скучный день событий собиралось больше, чем в селе за месяц. Родители впервые гордились им и присылали письма с напутствием хорошо заниматься и получить профессию. Учиться Фарману было трудно: он не привык

так много читать и периодически скучал на лекциях, поглядывая в окно. Больше уроков ему нравились перерывы и прогулки с одногруппниками. В первый день учебы они отправились в небольшой парк недалеко от университета праздновать начало новой жизни. Самый предприимчивый парень потока вытащил из портфеля стеклянную бутылку и предложил всем выпить. Фарман сначала подумал, что это вода, так казалось на первый взгляд. Он с радостью взял стакан и выпил залпом под изумленные взгляды толпы. Только опустошив содержимое, он понял, что это была не вода, что-то обжигало его изнутри, отдавало горечью и теплом, что-то, чего он не пробовал никогда раньше. В первую секунду ему хотелось выплюнуть странную жидкость, но краем глаза он заметил, как всеобщее изумление сменилось на восхищение. Одногруппники высоко оценили сельского парня, способного с такой легкостью выпить стакан водки. Тогда он узнал это двухсложное слово «водка», отличающееся от воды всего на одну букву. Загадочная жидкость помогала легче знакомиться с людьми и часто объединяла их быстрее, чем что-либо другое. Фарман даже не заметил, когда наступили каникулы и нужно было ехать домой.

Я не хочу ехать домой, мне кажется, что я перестал быть его частью. Прощаться с городом, пусть и ненадолго, гораздо сложнее, чем с родным селом. Тут жизнь идет каждую секунду, и я боюсь, что, даже закрыв глаза на ночь, пропущу что-то важное. Всю дорогу я думаю о том, чем занять себя у родителей. Вновь полоть грядки или собирать фасоль. Какая же тоска. Наверное, Абдулла, Фатима и Ситара будут донимать меня своим детским бредом. Буду уходить в кукурузное поле и лежать там в листве, так они меня не найдут.

Фарман уже приближался к знакомым серым воротам, как вдруг заметил, что все соседи не просто с любопытством рассматривают студента, но и здороваются

с небывалым до этого уважением. Кто-то пихает своих юных оболтусов, приговаривая, что, если они будут заниматься, станут как Фарман. Он никогда раньше этого не испытывал, это было уважение. Оно быстро растеклось по всей деревне. Каждый знакомый теперь смотрел на Фармана с нескрываемым пиететом. Он теперь был не просто сын Марал и Ахмеда, он был уважаемым студентом университета. Даже дома встречали его празднично: мать накрыла стол и слегка приобняла сына, совершив над собой усилие. Ахмед радостно махал рукой, неся в руках две бутылки тархуна к столу. Лимонад дома покупали только на знаковые события — ближайший магазин был в часе ходьбы и он стоил один лари. Мать даже не заставила работать, напротив — приготовила его любимые блюда. Расул крепко приобнял брата не просто по-родственному, но как-то особенно, будто бы видел в нем уже не только мальчика, с которым некогда делил комнату. Фатима, Абдулла и Ситара бросились наперебой спрашивать, какой там город, кто там живет и как выглядит университет. Фарман стал событием, и это сладкое чувство впервые окутало его, как утренний туман, оно было таким приятным и праздничным. Он набрал в грудь побольше воздуха и громко (громче обычного) рассказывал про занятия, учителей, городские улицы. Впервые в жизни он чувствовал себя особенным. Героем, которому удалось вытряхнуть из себя сельскую пыль. Мужчиной, способным самостоятельно жить сложную и настоящую жизнь. Вне дома тоже все изменилось: теперь с ним не только здоровались, но и стремились спросить, как городская жизнь и как ему это удалось? И хотя Фарман пересказывал одно и то же, это его совсем не утомляло, напротив — он получал специфическое удовольствие от пересказа и в зависимости от слушателей добавлял разные детали. Словно он участник ток-шоу, где его спрашивают, как он пришел к успеху.

Фарману нравились такие передачи, там всегда был тот, кому все удалось, кто-то вроде него. Мальчик из маленького села, который не только смог уехать, но и состоялся. Он всегда надеялся стать таким. Важным парнем в красивой, отглаженной голубой рубашке, с ровной стрижкой, прямо напротив ведущего; он представлял, с каким трепетом на него будут смотреть женщины и с какой завистью — мужчины. Он сядет расслабленно, немного с вызовом посмотрит в камеру и будет рассказывать, как ему приходилось чистить навоз за местными скакунами на конном заводе, как мать заставляла собирать кукурузу под палящим солнцем, как у них с братом были одни сапоги на двоих в дождливые дни и как до ближайшего магазина приходилось идти пятьдесят семь минут по ужасной дороге. А потому всякий раз, заметив жадные глаза соседей, спрашивающих, как он устроился, он чувствовал, как плечи расправляются сами собой, как позвоночник подобно железному столбу выпрямляется и тянется к солнцу. Он вставал так, чтобы видеть всех слушателей, делал небольшую паузу и приступал к рассказу. Фарман всегда учитывал, кого больше — женщин или мужчин, детей или взрослых, от этого зависела и тональность его истории. Так, общаясь с девушками, особое внимание он уделял витринам магазинов: чистые, почти прозрачные стекла с легкостью пропускали свет и жадные взгляды прохожих, нарядные манекены, вечно готовые к празднику, подмигивали каждой женщине, как бы намекая, что для полного счастья ей непременно нужно это конкретное платье. Витрины всегда были опрятными, в них вместо сменяющихся кадров жизнь представляла собой вылизанный, пахнущий парфюмом стоп-кадр, где все неизменно. Местные жительницы зачарованно замолкали: они уже примеряли городские обновки и крутились перед подругами в небольших примерочных.

Мужской части села Фарман рассказывал о том, как много среди городских девушек красавиц, каким легким и странным становится южное тело после водки, как много подработок можно найти в большом городе и как невозможно там заскучать. Вместо пасущихся коров — большие машины, едущие друг за другом, вместо навозного запаха — машинное масло, кажется, будто мир не ограничен воротами дома, а распускается подобно пиону, стоит только открыть глаза. Местные парни мечтательно замолкали: они уже представляли, как идут по ночному городу в кожаных куртках, как легко ветер обдувает их волосы, а местные девчонки засматриваются им вслед. Фарман дарил им самое главное, что может дарить другой человек, — надежду на будущее, и они еще несколько дней ходили переполненные ею, пытаясь не растратить ни одной капли.